

Эта статья в стилистическом отношении отлична от других, она является лаконичной и протокольно-сухой военной хроникой, передающей последовательность событий. Она сродни разрядным записям и свидетельствам кратких летописцев. Вряд ли концовка памятника и предыдущие его статьи вышли из-под пера одного автора. По-видимому, рассказавший о кампании 1664 г. служилый человек продолжал летописец, состоящий в части за 1598—1632/33 гг. из сообщений общероссийского и западнорусского характера. Так как последняя статья летописца сохранилась без начала и конца, нельзя думать, что в рукописи представлен ее оригинал.

В. И. Корецкий убедительно связывает появление летописца со служилыми людьми западнорусского происхождения.³⁸ Можно попытаться конкретизировать этот взгляд. В летописных известиях за 1632 и 1664 гг. говорится об участии в военных действиях князя И. С. Прозоровского. Его отец С. В. Прозоровский фигурирует в рассказах о событиях под Торопцом, Тихвином и в районе Белой в 1610/11, 1612—1613/14, 1632 гг. Роль Прозоровских в освобождении Белой освещена особенно детально. Напрашивается предположение: не был ли автор летописца (в части до 1632/33 г.) близок к Прозоровским? Эту близость мог сохранить и его продолжатель, писавший в последней трети XVII в.

Итак, Вельский летописец, являющийся общерусской провинциальной летописью, сохранился со значительными пропусками. Особенно существенна утрата текста за период с 1632/33 до 1664 г. Летописное повествование, обрывающееся на рассказе о Смоленской войне, можно приписать одному автору — служилому человеку из западных уездов России, вероятно, из Вельского. Допустимо предположение о том, что источниками этой части памятника послужили летописец или другое историческое сочинение московского происхождения и западнорусский летописец. Помимо того, составитель использовал «разряды» и воспоминания бельских служилых людей, ушедших в 1618 г. в Москву, где, возможно, и появился текст летописца за 1598—1632/33 гг. Заключительная статья памятника написана не ранее 1667 г. и другим автором — участником только что закончившейся войны между Россией и Речью Посполитой. Составитель основной части летописца и его продолжатель, возможно, были связаны с князьями Прозоровскими.

Д. А. ВЫСОЦКИЙ

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ЧЕЛОБИТНЫЕ XVII в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди многочисленных и разнообразных источников по русской истории XVII столетия коллективные дворянские челобитные занимают особое место. Уже с середины XIX в. они появляются в поле

³⁸ Интерес автора к служилому люду проявляется постоянно. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 238—240, 243, 247—250, 258, 259, 263, 264, 266, 271.

зрения исследователей, причем значимость памятников этого рода единодушно подчеркивается в отечественной исторической науке. В. О. Ключевский даже предполагал, что коллективные дворянские челобитья со временем заменили земские соборы.¹ Трудами В. Н. Сторожева, П. П. Смирнова и А. А. Новосельского выявлено и опубликовано до двух десятков таких документов.² В капитальных исследованиях Л. В. Черепнина и А. Г. Манькова убедительно доказано влияние коллективных дворянских челобитных на законодательную деятельность правительства по крестьянскому вопросу и развитие крепостного права, отмечается выдающееся публицистическое значение этих памятников и необходимость их дальнейшего изучения.³

Однако в отечественном источниковедении возник несомненный пробел. Уже около века прошло со времени первой публикации подлинников челобитий, но до сих пор эта категория источников не нашла себе сколько-нибудь заметного места в источниковедении, фактически оказалась вне поля его зрения.⁴ Общей картины коллективного дворянского челобитья мы на сегодня не имеем.

На пути к решению этой задачи стоят весьма существенные проблемы. Главнейшая из них заключается в том, что подлинников этих документов известно немного и все они относятся ко второй половине XVII в. Поэтому необходимо также учитывать копии челобитных, правительственные указы и другие документы, упоминающие о них, свидетельства современников и т. п. Невозможно изучать дворянские челобитные и вне связи с выступлениями представителей этого сословия на земских соборах. Но акты многих соборов далеки от полноты, а факт созыва некоторых из них вообще гипотетичен.

Все известные на сегодня подлинники челобитных дворян «всех городов» обнаружены в московских архивах, за исключением челобитья 1648 г., которое сохранилось лишь благодаря повышенному интересу шведского резидента в Москве к июньским событиям этого года.⁵ Это вполне закономерно, так как коллективные дворянские челобитные составлялись непосредственно в Москве, за исключением некоторых случаев, о которых речь пойдет ниже, и передавались правительству. Поскольку в московских архивах многолетние изыскательские работы в этом плане провели П. П. Смирнов и

¹ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3. С. 211.

² Сторожев В. Н. Два челобитья // Библиогр. зап. 1892. № 1. С. 8—15; Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. С. 1—73; Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII веков. М., 1975. С. 303—343.

³ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII веках. М., 1978. С. 260—261; Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962. С. 40.

⁴ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976.

⁵ Смирнов П. П. Челобитные. . . С. 50—65; Шахматов М. В. Челобитная «мира» московскому царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 года // Věstník kralovské české společnosti nauk. Trida filosoficko-historicka. Ročník 1933. Praha, 1934. [Par. 4]. С. 1—23.

А. А. Новосельский, можно предположить, что основной корпус этих памятников, дошедших до нашего времени, выявлен. Вместе с тем сохранились многочисленные указания на общие дворянские челобитные в законодательных актах, докладах к ним, грамотах и т. п.

Наибольшее количество челобитных относится к 1630—1690 гг. В первую треть XVII в. процесс консолидации дворянства проявлялся еще довольно слабо, и это мешало выработке документов, имеющих общесословный характер. В 1613—1622 гг. земские соборы работали почти непрерывно и служилые люди могли высказываться непосредственно на соборе.⁶ Нельзя не отметить и того, что многие документы погибли в пожаре 1626 г.

Коллективные дворянские челобитные начинают играть важную роль в формировании внутренней политики правительства с 1630-х гг. Однако опыт составления коллективных программных документов пришел к служилому сословию в годы Смуты. О единстве в его рядах в начале Крестьянской войны говорить не приходится. Совершенно ясно, что главной причиной раздробленности в лагере феодалов была острейшая борьба за крестьян в условиях анархии. Тем не менее резкое обострение классовой борьбы, усугубившееся обстоятельствами интервенции, привело к осознанию большинством служилых людей необходимости устранения «междуусобного греха». К этому времени и относятся первые известные нам коллективные дворянские челобитья. В боярском приговоре о беглых холопах и холопьях отпускных, датированном 25 февраля 1608 г., говорится, что били челом царю «дворяне и дети боярские разных многих городов, а сказывали: имали они ис тюрем себе на поруки изменчивых людей на Москве, и в Серпухове, и под Тулою и в иных городех, и наделяли; а взяв ис тюрьмы на поруку, да имали на них, на свое имя, служилые кабалы; а старые их бояре, которые были в ызмене, а государева опала ныне им отдана, тех холопей имают и ищут на них по старым крепостям холопства». Кроме того, били челом дворяне и дети боярские, «которые были от Ростриги в опале, а люди их отпущены на волю, и отпускные им ис приказу Холопья суда даны: и дворяне и дети боярские на тех отпущенных своих людех ищут холопства по старым крепостям».⁷ Уже из этих фрагментов очевидно стремление урегулировать запутанные отношения в среде феодалов посредством закона. Проблема, поднятая помещиками, решена не была.⁸ Как известно, слабое правительство Шуйского не способно было объединить вокруг себя служилое сословие, и это предопределило его падение. Однако стремление преодолеть противоречия в своей среде, понимание их пагубности в условиях гражданской войны и интервенции становятся общими для большей части поместной армии. Важные требования относительно упорядочения отноше-

⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы. . . С. 216—238.

⁷ ПРП. М., 1956. Т. IV. С. 377—379, 403—404; АИ. СПб., 1841. Т. II. № 85/2.

⁸ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 54—55.

ний в дворянской среде были высказаны в 1610 г. московскими послами Сигизмунду III.⁹

В 1611 г. служилые люди, совершенно измотанные Смутой, оказались наконец способными выработать документ, ставший важной вехой на пути к объединению сословия. Это приговор первого ополчения, датированный 30 июня 1611 г. Основная мысль его — дать законное основание землевладению, запутанному в годы Смуты. Новоиспеченным боярам указано претендовать на поместья в размерах прежних лет, то же сказано и о дворянстве. Решено новые королевские раздачи аннулировать и раздать беспоместным и разоренным служилым людям, но у вновь поверстанных новиков, за кем ранее поместий не было, не отнимать. За счет будущих конфискаций должны быть обеспечены разоренные дети боярские, поместья «побитых от Литвы» сохраняются за их женами и детьми, а если кто-нибудь вернется из плена, то ему возвращается поместье. Если жен и детей нет, то поместье переходит к беспоместным родственникам погибшего. Приговор предписывал также вернуть захваченные церковные земли, давать новые вотчинные грамоты взамен погорелых и крепости. Бывших в Калуге и Тушине решено верстать по московским порядкам, «кто кому в версту», а не теми окладами, «которые им учинены в таборах». В приговоре формулируется порядок государственного управления. «А строить землю и всяким земским и ратным делом промыслять бояром, которых избрали всюю землею и по сему всей земли приговору». Бояре же без приговора всей земли не должны никого казнить, ссылать и т. д., управляют только они, «меньшие воеводы», без них ничего не должны решать. Следует вести запись заслуг служилых людей, сыскивать крестьян, вывезенных в Смуту, и возвращать прежним помещикам. И, наконец, указано, что бояр «вольно землею переменять».¹⁰

Сам текст челобитья 1611 г. неизвестен даже в списках, поэтому трудно судить, насколько полно он отразился в приговоре. Новый летописец говорит о челобитной как о результате определенного союза служилых людей с казачеством,¹¹ но приговор составлен в интересах дворянства, и налицо многие положения, которые не могли быть приняты казаками. Таким образом, нельзя считать приговор полностью производным от челобитной. Составитель Нового летописца считает, что этот политический документ и привел к обострению борьбы внутри ополчения. Итоги этой борьбы хорошо известны. Тем не менее выступление служилых людей с программным документом в 1611 г. имело важные последствия. Первое ополчение исчислялось десятками тысяч человек, а служилые по отечеству люди представляли не менее 25 городов.¹² На протяжении всего XVII в. у дворянства не было более благоприятной возможности сформулировать интересы всего сословия в политической программе, тем более что

⁹ Сб. РИО. М., 1913. Т. 142. С. 66—67.

¹⁰ Памятники Смутного времени. М., 1909. С. 65—70.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14, 1-я пол. С. 112—113.

¹² Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1912). 2-е изд. СПб., 1912. С. 308—309.

приговор 1611 г. составлялся в необычных для России условиях отсутствия самодержавия, и это позволяло высказываться и требовать осуществления своей программы более прямо. Приговор 1611 г. призывает отказаться от сведения счетов в среде феодалов, зачеркнуть годы Смуты, найти более компромиссные варианты внутрисословного примирения и вернуться к прежним порядкам в имущественных отношениях.

Этот документ 1611 г. широко проанализирован Л. В. Черепным.¹³ В плане интересующего нас вопроса нужно отметить, что челобитная 1611 г. открывает собой целый ряд памятников общественно-политической мысли русского дворянства XVII в. и как один из первых документов этого рода имеет исключительное значение.

Значительная часть участников первого ополчения затем оказалась во втором. П. Г. Любомиров считал, что именно здесь к служилым людям пришло сознание необходимости единства.¹⁴ Вероятнее предположить, что оно было перенесено из первого ополчения во второе. Нижегородское ополчение не оставило памятников, подобных челобитной 1611 г., но начало традиции коллективного дворянского челобитья было положено.

Классики марксизма подчеркивали значение крестьянских рук для феодального хозяйства.¹⁵ Крестьяне были объектом борьбы между представителями господствующего сословия на протяжении многих веков, менялись лишь ее формы. Объем настоящей статьи не позволяет подробно останавливаться на противоборстве внутри феодального лагеря по вопросу о так называемых урочных летах. Эта борьба в достаточной степени изучена в отечественной историографии. Боярство, думные чины были заинтересованы в сохранении коротких урочных лет, такого же взгляда придерживались в целом помещики «украинных городов». Совершенно полярная точка зрения была характерна для значительной части московского дворянства, а также для дворян и детей боярских центральных городов.¹⁶ Последние составляли основное ядро поместной армии. Такова в общих чертах схема противостояния различных групп господствующего сословия по вопросу о путях развития крепостного права.

Этим, однако, не исчерпываются все разногласия среди русских феодалов XVII в., и поэтому сам факт способности служилых людей выдвигать коллективные программные требования государственных преобразований является весьма знаменательным.

Необходимо сказать, что в рамках настоящей статьи речь идет лишь о памятниках, претендовавших выражать волю дворянства

¹³ Черепный Л. В. Земские соборы. . . С. 173—179; Шепелев И. С. Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом земском ополчении // Сб. науч. тр. Пятигор. гос. пед. ин-та. 1948. Вып. II. С. 132—133.

¹⁴ Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 44—45.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 729.

¹⁶ Новосельский А. А. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 178—183.

«всех» или «многих» городов, но в арсенале отечественного источниковедения имеются материалы о многочисленных челобитных помещиков одного, реже двух или трех городов.¹⁷ Эти челобитные носят самую различную направленность. Часто их составители сосредоточивались на местных проблемах, не имевших общерусского значения, но некоторые из них послужили основой для общих челобитных.¹⁸ Поэтому отдельные выступления дворянских групп также заслуживают самого пристального внимания.

В настоящей статье целесообразно отказаться от строго хронологического принципа обзора дворянских челобитных в пользу более подробного рассмотрения круга поднимавшихся в них вопросов. Такой путь тоже не является совершенным, так как в некоторых документах поднималась не одна, а целый ряд чрезвычайно важных проблем, и поэтому к одному и тому же памятнику приходится обращаться многократно.

Развитие крепостного права — главная проблема, занимавшая русского помещика в XVII в. Камнем преткновения в этом плане для первой половины века явился вопрос об урочных летах. Суть даже не в противоречии принципа урочных лет и писцовых книг.¹⁹ Для служилых людей проблема заключалась скорее не в теоретическом противоречии, а в его практических последствиях. Если учесть территорию государства, несовершенство исполнительной власти и произвол «сильных людей», то пятилетний срок был малоэффективен. Сама процедура сыска была крайне изматывающей и разорительной.

Начало выступлениям по этому вопросу положили, видимо, дворянские съезды в Москву по судебным делам, которые происходили ежегодно на троицу, семенов день и рождество. Известны 4 общие челобитные, требовавшие полной отмены урочных лет — 1637, 1641, 1645 и 1648 гг.²⁰ Вполне вероятно, что о том же говорилось и в челобитной 1639 г., однако в двух отрывках, сохранившихся от этого памятника, упоминаний об урочных летах нет.²¹ Обстоятельства возникновения челобитий наложили определенный отпечаток на их содержание. В 1641 г. челобитная была подана в условиях, напоминающих начало восстания, а в 1648 г. — непосредственно во время восстания в Москве.²² П. П. Смирнов справедливо отмечает, что челобитные 1637, 1641 и 1645 гг. производны одна от другой.²³ В то же время судить о содержании последнего из этих памятников можно

¹⁷ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.; СПб., 1896—1921. Кн. 11—20.

¹⁸ Дворянство и крепостной строй... С. 306—308; Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Тр. Ин-та вст. РАНИОН. М., 1926. Т. IV. С. 328.

¹⁹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1954. Т. 2. С. 372—373.

²⁰ Смирнов П. П. Челобитные... С. 38—66.

²¹ РИБ. СПб., 1886. Т. X. С. 158—161.

²² Новосельский А. А. Побег крестьян... С. 328; Сыск про «грамотку» Прохора Колбецкого к отцу // ЧОИДР. 1894. Кн. II. С. 13—20; Шахматов М. В. Челобитная «мира»... С. 1—23.

²³ Смирнов П. П. Челобитные... С. 27.

лишь приблизительно, так как сохранился только небольшой фрагмент.²⁴ Главное требование их — полная отмена урочных лет и признание единственными документами, гарантирующими право помещиков на крестьян, писцовых и отдельных книг, выписей и актов сделок. Основной довод служилых людей в пользу такого требования — урочные лета обостряют борьбу за крестьян между феодалами. «Сильные люди» отвозят беглых «крестьянишек наших в дальние свое поместья и в вотчины, надеючися на твои государевы на указные годы на пять лет», а истцов волочат «московскою волокитею» «по десяти лет и болши» или «надеютца оне на твои государевы несудимые грамоты».²⁵ Требуя отмены урочных лет, челобитчики недвусмысленно давали понять, что от этого зависит не только их благосостояние, но и само существование поместной армии. Несмотря на всю серьезность таких аргументов, успех дворянских выступлений 1637—1645 гг. был далеко не полным. В 1637 г. правительство пошло на увеличение урочных лет до девяти по аналогии с Троице-Сергиевым монастырем, пользовавшимся этим правом с 1614 г., но не распространило такой срок на поместья служилых иноземцев, что вызвало их выступление в 1639 г. с отдельной челобитной.²⁶ В 1641 г. урочные лета увеличивались лишь на год, но при этом было сделано несколько важных сопутствующих распоряжений относительно случаев с насильственным вывозом и убийствами. Крестьянское имущество предписывалось искать вместе с крестьянами, а не врозь.²⁷ По челобитью 1645 г. было указано, что увеличивать урочные лета правительство больше не будет, но проведет повсеместную перепись, по окончании которой «по тем книгам крестьяне . . . крепки будут и без урочных лет». П. П. Смирнов полагал, что «с крестьянским вопросом покончено».²⁸ Однако Б. Д. Греков справедливо заметил, что в 1645 г. дворянство скорее потерпело поражение, чем имело успех.²⁹ Валовые переписи были не в новинку, они проводились и в 1620-х гг., но проблему урочных лет не решили. Помещики требовали иного решения проблемы. Ликвидация урочных лет открывала возможность для организации сыска беглых прибегнуть к более совершенным формам, сделать сыск всеобщим и, следовательно, более эффективным. Кроме того, вопрос об отмене урочных лет был тесно связан с кругом других проблем, около которых и вырабатывалось общественное мнение русского дворянина.

Серьезное сопротивление со стороны правительства отмене урочных лет объясняется несколькими причинами. Прежде всего существенную роль сыграло понимание риска такой меры. Если в целом впечатления Крестьянской войны уже успели сгладиться, то нарушение сорокалетней традиции урочных лет могло вызвать резкое обострение классовой борьбы. Стремление идти к полному закрепо-

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Там же. С. 38—39.

²⁶ АМГ. СПб., 1894. Т. II. С. 104.

²⁷ Смирнов П. П. Челобитные. . . С. 45.

²⁸ Там же. С. 22.

²⁹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. С. 372—373.

щению крестьян постепенно было понятным. Феодалная верхушка, фактически правившая страной, не могла быть заинтересована в таком акте, и ее сопротивление нельзя недооценивать. Кроме того, активизация борьбы помещиков за отмену урочных лет совпала со временем тесного альянса правительства с донским казачеством, вызванного прежде всего борьбой за Азов. Бесчисленные приезды в Москву атаманов сопровождались агитацией среди помещичьих крестьян с целью склонить их к побегу на Дон.³⁰ В коллективных челобитных помещики Зарайского и Тульского уездов требовали унять казаков.³¹ Но правительство, крайне заинтересованное в приятных отношениях с Доном и в численном усилении казачьего войска, закрывало глаза на происходящее. Донской атаман И. Каторжный публично заявил, что «нам де государев изусной приказ, что боярских беглых людей выдавать не велено».³² Конечно, это утверждение весьма сомнительно, но на бездействие центральной власти казачество вполне могло рассчитывать. В такой ситуации обещания правительства в отношении урочных лет едва ли могли удовлетворить большинство помещиков.

Опыт служилого человека, сталкивавшегося с бюрократическим аппаратом, научил его остро чувствовать политическую конъюнктуру момента. Для урочных лет такой момент настал летом 1648 г., когда восстание в Москве поставило правительство в безвыходное положение перед ультимативным требованием дворянства созвать Земский собор с целью проведения коренных государственных реформ. Хотя в тексте челобитья 1648 г. нет прямого требования отмены урочных лет, было совершенно ясно, что решения этого вопроса представители поместной армии будут добиваться непосредственно на соборе. В рамках статьи нет возможности подробно останавливаться на событиях лета 1648 г., тем более что они широко освещены в историографии,³³ а также на дискуссионном вопросе о степени и времени участия в них поместной армии.

Добившись полной отмены урочных лет, русские помещики оказались перед лицом новой проблемы — как реализовать преимущества нового закона на практике, иными словами, остро встал вопрос об организации сыска беглых крестьян. Новые обстоятельства делали старую практику сыска анахронизмом. Для памятников 1650—1670-х гг. это основная тема. В тексте челобитья 1658 г. говорится: «. . . в прошлых, государь, летех, во дни царства отца твоего. . . от нас о беглых наших людех и крестьянех было многое челобитье а и те. . . было повсягодное челобитье».³⁴ Хотя мы располагаем

³⁰ Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2. Стб. 1054—1055; кн. 3. Стб. 6, 166, 575, 675 и т. д.

³¹ Там же. Кн. 2. Стб. 1087—1096; *Новосельский А. А.* Побег крестьян. . . С. 340—341.

³² Донские дела. Кн. 2. Стб. 884, 1105—1107.

³³ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1948. Т. II. С. 158—195; *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 г. М., 1961. С. 16; *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 62—106.

³⁴ Дворянство и крепостной строй. . . С. 308.

сведениями о трех коллективных челобитьях по этому вопросу, относящихся к 1653, 1654 и 1657 гг., не исключено и даже вероятно, что такие петиции подавались с 1649 по 1658 г. ежегодно.³⁵ Поскольку история побегов и организации сыска широко освещена А. А. Новосельским и А. Г. Маньковым, нет необходимости раскрывать полную картину данной проблемы. Однако нельзя пройти мимо этого вопроса в плане его влияния на выработку общественно-политических взглядов русского дворянства. Через эту ступень, следуя от частного к общему, классовая мысль служилых людей должна была достигнуть более высоких форм выражения. Если раньше сыск производился по частным жалобам помещиков в каждом случае отдельно, то после 1649 г. открылась возможность придать этой процедуре характер государственного института, так как отмена урочных лет нивелировала все случаи побегов, невзирая на время, место и обстоятельства. Но оставалась старая проблема, связанная с югом страны. Правительство несколько раз передвигало исходный срок сыска беглых крестьян в этом регионе, что приводило к массовым побегам крестьян в «украинные города».³⁶ А. А. Новосельский считает, что во второй половине XVII в. «самый характер выступлений становится более спокойным и лояльным: дело не доходит ни разу до открытых и резких столкновений с представителями верховной власти».³⁷ Это так, если говорить о тональности челобитий, однако требования дворянства были весьма значительными, и не столь уж важно, в какой форме они были высказаны. Вместе с тем взрывы недовольства служилых людей имели место, и выражения некоторых челобитий едва ли можно назвать спокойными. В 1664 г., например, псковские дворяне обещали патриарху Никону, что если он не урезонит власти Иверского монастыря, переманивающие у них крестьян, то они обратятся к царю, «а буде де государевой милости не будет, одинако де мы ныне пропали, собрався иверских старцев прирубим и монастырь весь разорим».³⁸

Действительно, в общих челобитьях второй половины XVII в. нет резких нападок на высшую бюрократию, характерных для более ранних памятников, но ведь события 1648 г. и Соборное уложение 1649 г. свяли многие острые противоречия между этими группами феодалов. Классовая борьба в стране после отмены урочных лет резко обострилась, и это заставляло московскую бюрократию и служилых людей относиться друг к другу более лояльно. Если в челобитных 1630—1640-х гг. на первом плане злоупотребления «сильных людей», крестьяне же скорее представляются пассивным предметом борьбы в среде феодалов, то в челобитных второй половины века на первый план выходят сами крестьяне, которые постоянно угрожают спокойствию помещиков, «хотя за нами пусто учинить все».³⁹ Это не значит,

³⁵ Маньков А. Г. Развитие крепостного права. . . С. 37.

³⁶ Новосельский А. А. Побег крестьян. . . С. 327—356; Маньков А. Г. Развитие крепостного права. . . С. 120—178.

³⁷ Новосельский А. А. Побег крестьян. . . С. 330.

³⁸ Акты Иверского Святозерского монастыря. СПб., 1878. Стб. 356—357.

³⁹ Дворянство и крепостной строй. . . С. 305.

однако, что в феодальной среде все противоречия были сняты и наступил период полной консолидации сословия. Требуя организации массового сыска, челобитчики указывали на несовершенство Уложения, по которому не предусмотрены санкции на держателей крестьян, бежавших между писцовыми и переписными книгами, на то, что воеводы и приказные люди «споможения не чинят», на недобросовестность сыщиков, мздоимство и т. д. Требования, предъявлявшиеся дворянством к развитию института сыска, были следующие. Необходимо было послать сыщиков, чтобы они «без нашего сыску, и челобитья, и волокиты» сыскивали и отдавали беглых повсеместно, сам же сыск следовало приравнять к делам «татиным и разбойным», т. е. побег крестьян и укрывательство беглых следует приравнять к тяжким уголовным преступлениям, по отношению к которым дозволялась бы пытка. Для совершенствования сысчного механизма предлагалось использовать даже сельских священников, ибо утаиться пришлый человек от священника не может.⁴⁰ Иными словами, государство должно сделать все для того, чтобы дворянин мог спокойно заниматься службой. Осознавая свое положение в системе государственных отношений, служилые люди требовали, чтобы правительство приняло на себя максимум функций, гарантирующих благосостояние господствующего класса.

Следующий вопрос, поднимавшийся в дворянских челобитных, — всеобщее межевание земель — усиленно дебатировался в конце 1670-х — начале 1680-х гг. Он был тесно связан с крестьянским вопросом, и совершенно прав А. А. Новосельский, отмечавший, что «валовое описание, точнее межевание, должно было утвердить за служилым классом обеспечение и устойчивое владение землей, подобно тому как сыск беглых должен был фактически утвердить за ним крепостное население».⁴¹ Подготовка межевания проходила с самым широким привлечением служилых людей. В конце 1681 г. в Москве собрались выборные, которые обсуждали наказ писцам.⁴² Большинство межевщиков было назначено из стольников и дворян московских. В связи с внутренними и внешними обстоятельствами межевание проводилось с перерывами с 1680 по 1686 г., пока Крымский поход не прервал его окончательно. Несмотря на серьезные недостатки в организации, противоречия в наказах писцам, земли почти всей Центральной России были размежеваны.⁴³

Исходя из обыденной жизненной практики, русское дворянство осознало необходимость консолидации всего сословия, без которой прочный государственный порядок, отвечающий интересам служилых людей, невозможен. Отмена урочных лет, организация сыска беглых и всеобщее межевание земель способствовали этому процессу. В челобитных 1639 и 1641 гг. был поставлен вопрос о детях боярских,

⁴⁰ Там же. С. 308, 311.

⁴¹ Новосельский А. А. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х гг. XVII в. // Учен. зап. Ин-та ист. РАН ИОН. 1929. Т. IV. С. 108.

⁴² Там же. С. 103.

⁴³ Герман И. Е. История русского межевания. М., 1910. С. 109—111.

дающих на себя служилые кабалы, «утая верстание». Здесь очевидно желание более четкого разграничения сословий, исключения возможности перехода из одного в другое.⁴⁴ Стремление дворянства изолировать вполне понятно, так как без этого консолидация сословия была бы невозможна. В 1641 г. указывалось никому таких людей в холопы не принимать. Вопрос этот окончательно был юридически оформлен в Соборном уложении 1649 г.

Со времен Смуты в среде русского дворянства осталось стремление к единению внутри сословия. Препятствия к этому были весьма значительные, и служилые челобитчики совершенно правы, находя их все в том же крестьянском вопросе и отмечая, что из-за этого «промеж собою у нас на Москве и в городах беспрестанная тяжба и брань».⁴⁵ Если между московским и городowym дворянством центральных уездов процесс консолидации шел довольно быстро, то дворянство «украинных городов» долгое время оставалось в стороне. Относительно вопроса сыска крестьян взгляд южных помещиков был устоявшимся и характерным — «нам де какое дело беглых людей имать».⁴⁶ Но постепенно процесс консолидации шел и в этом направлении. Уложение 1649 г. не запрещало мену поместьями между московским и городowym дворянством. Укреплялись и родственные связи между людьми московского списка и южными помещиками.⁴⁷ В коллективных челобитьях по вопросу межевания земель помещики южных уездов принимали активное участие.⁴⁸ Отмена местничества была также весьма позитивным фактом на пути к полной консолидации дворянского сословия. Но процесс этот проходил столь успешно не благодаря каким-либо посторонним факторам, а в результате осознанного стремления к единству внутри служилого сословия. Это позволило дворянству стать тем господствующим классом, на который опиралась преобразовательная деятельность Петра I.

Последним и наиболее важным моментом для уяснения дворянской политической мысли является взгляд на государство и государственное устройство. Уже в челобитьях 1630—1640-х гг. дворянство резко высказалось о порочности московского судопроизводства. Ограниченные сроки явки в суд, огромные судебные издержки, взяточничество, волокита и т. д. — таким предстает московский суд в глазах челобитчиков, которые предложили в 1637 г. перенести его из Москвы в города, именно в те, где служилым людям удобнее судиться, и выбрать для этого дворян и земских людей, которые и будут судить в соответствии с законами.⁴⁹ Хотя этот проект и не был поддержан правительством и в челобитных мы его больше не встречаем, сама по себе мысль приблизить суд непосредственно к помещику за счет децентрализации представляет интерес как зачаток осознания классовой природы суда и соответствующих требований к нему. Чтобы

⁴⁴ РИБ. Т. X. С. 161; *Смирнов П. П.* Челобитные. . . С. 43.

⁴⁵ Дворянство и крепостной строй. . . С. 308.

⁴⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 884.

⁴⁷ ПСЗ. Т. II. № 1031, 1034.

⁴⁸ *Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитья. . . С. 103—108.

⁴⁹ *Смирнов П. П.* Челобитные. . . С. 38—41.

сгладить трения по вопросу о суде, правительство практиковало чуть ли не на протяжении всего XVII в. отсрочки по судебным делам для поместной армии. Указы о таких отсрочках весьма многочисленны.⁵⁰ В челобитной 1648 г. предлагается как один из возможных путей выхода из кризисной ситуации следующий вариант: «... а выбрал судью праведного кого в суди ему государю богом известит или бы положил государь всяких чинов на мирских людей, а мирские люди выберут в суди меж себя. . .».⁵¹ В плане подчинения некоторых органов местного самоуправления интересам служилых людей любопытны многие коллективные дворянские петиции от различных городов по поводу назначений на воеводские и другие должности тех или иных конкретных лиц, креатур местных помещиков.⁵² Критика дворянством органов государственного управления не ограничивалась судом. В челобитной 1641 г. поставлен вопрос об упраздненном к этому времени приказе «что на сильных бьют челом».⁵³ Служилые люди отмечают, что их интересы нисколько не защищены правительством, бояре и окольные забыли свои обязанности и «за дела в палате не сидят», «а как де бояре и по сто двадцать осмой год в палате сидели, и им о своих обидах и о всяких делах бити челом было не заборонно».⁵⁴ Нападки на московскую бюрократию почти дословно повторены дворянством на Земском соборе, состоявшемся через год, в 1642 г.⁵⁵ Однако крайняя степень недовольствия системой государственного управления была выражена в челобитной 1648 г. Этот памятник представляет собой и исключительный публицистический интерес.

Текст челобитной очень оригинален, в нем даже проглядывает индивидуальность составителя. Это скорее всего книгочей из духовного чина, привлеченный челобитчиками для литературного оформления выдвигаемых требований. Он хорошо знаком с историей (удачно ссылается на императора Юстиниана и его Кодекс), со священным писанием и даже с книгами из дворцовой библиотеки.⁵⁶ Челобитчики поднимаются до критики самого царя, правда, слегка закамуфлированной. Они напоминают ему, что он «от бога и всего народа был поставлен и избран государем» и ему «меч злым на казнь, а добрам на милость был вручен, чем тогда всякая неправда была исправлена».⁵⁷ Испытание, которое за беззаконие в прежние времена разразилось над Московским государством, «ныне снова нас

---

⁵⁰ ПСЗ. Т. I. № 31, 57, 90, 110, 118, 219, 245 и т. д.

⁵¹ Шахматов М. В. Челобитная «мира». . . С. 20.

⁵² Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1899. Кн. 11; 1901. Кн. 12; 1903. Кн. 13; 1905. Кн. 14; 1908. Кн. 15; 1910. Кн. 16; 1912. Кн. 17; 1913. Кн. 18; 1914. Кн. 19; Пг., 1921. Кн. 20, первая пол.

⁵³ Ерошкин П. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 55.

⁵⁴ Смирнов П. П. Челобитные. . . С. 42.

⁵⁵ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. III. № 113.

⁵⁶ Смирнов П. П. Челобитные. . . С. 57.

⁵⁷ Там же.

постигнуть должно», и поэтому челобитчики просят царя, чтобы он свою «данную присягу и обещание вспомнить захотел». ⁵⁸

Проводя аналогии с событиями 35-летней давности, челобитье ясно давало понять, что, только опираясь на широкие круги служилого сословия и удовлетворяя его нужды, центральная власть может рассчитывать на прочность своего положения. Сама цель челобитья — созыв Земского собора и коренная реформа законодательства — снимала необходимость конкретизировать сословные требования. Их следовало предъявить непосредственно на соборе.

В ходе формирования классовой идеологии дворянства возник блестящий памятник дворянской публицистики — челобитная «разных городов», поданная царю в конце 1658 г. Историки уже не раз выделяли этот документ по его исключительному значению для уяснения общественно-политических взглядов русского дворянства. ⁵⁹ Челобитчики дополняют прежние претензии к государственной организации сыска беглых крестьян требованиями привлечения к сыску приходского духовенства, которое, по их словам, в курсе всего, что происходит в приходах, установления тесных контактов сыщиков с местными воеводами и приравнения сыска беглых к розыскному процессу по уголовным делам. В основу этих требований положен следующий мотив: «Чтоб господь бог наш тобою, великим государем, и милостивым твоим к нам праведным призьреньем и разсмотреньем исполнил в нас всякую правду и избавил нас от толикие великие и неистерпимые напасти и лютова и многолетнова разорения и межусобного нашего греха и брани, и чтоб, государь, и в предние лета твой крепостной устав в сем деле вовеки был неподвижен, и никому б неповадно было божия даiania, а вашего государского давного и вечного жалованья, силою и величеством, богатством и граблением и всяким лукавством и пронырством чужого имени восхищати и неправедными прибытками богатеть». ⁶⁰

Далее в том же документе дается предельно четкое и всеобъемлющее выражение взглядов русского дворянства на государственное устройство, его структуру и свое положение в нем: «. . . чтоб в твоей государеве державе все люди божии и твои государевы коиждо от великих четырех чинов, освященный, и служивый, и торговый, и земледельной, в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли. . .». ⁶¹ Так от относительно частного вопроса об организации сыска беглых крестьян дворянство поднялось до выражения квинтэссенции своих общественно-политических взглядов. Памятник 1658 г. уникален. Ничего равного ему в последующих коллективных челобитьях мы не находим. Через 10 лет со времени полного прикрепления крестьян к земле русское дворянство говорит об извечности крепостного права, его незыблемости и в будущем, поскольку такой порядок является ниспосланным от бога. Между-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 234—235; *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права. . . С. 40.

⁶⁰ Дворянство и крепостной строй. . . С. 312.

⁶¹ Там же.

усобная брань ставит под удар неподвижность «крепостного устава». В этом построении все четыре сословия являются незабываемым основанием государственного устройства, они изолированы друг от друга и в соответствии с заповедью «питаются» своими прямыми трудами. На самодержавие дворянство возлагает роль силы, которая в первую очередь должна оберегать существующий порядок, поскольку царю «дан от бога суд и исправление и меч отмщения и милость рассуждения». В этом положении мы находим абсолютное сходство с челобитьем 1648 г., однако теперь эта мысль служилых людей развита предельно широко. В контексте этого фрагмента челобитья 1658 г. дворянство не выделяет себя из четырех сословий, на которых основан государственный порядок, но фактически такое теоретическое построение призвано было дать обоснование господствующему положению служилых людей над массами «земледельческого чина».

Таким образом, двигаясь от одного вопроса к другому, от частного к общему, русское дворянство развивает свое классовое мышление, создает важные памятники своей общественно-политической мысли, дает теоретическое обоснование как крепостному праву, так и общественно-политическому и государственному строю. Эти общественно-политические взгляды дворянства служили основой для формирования абсолютизма в России.

А. М. ШАВАНОВА

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ МЕРАХ В ПРИСВИРЬЕ В XVII в.

При изучении землевладения и землепользования крестьян России периода феодализма нельзя обойти вопросов метрологии, в частности единиц измерения земельных площадей. Они требуют пристального рассмотрения, ибо на огромных просторах России помимо официальных государственных мер существовали местные, традиционные единицы измерения посевных площадей. Сведения о них отложались в архивных источниках.¹ Уяснение местной метрологии способствует лучшему проникновению в структуру крестьянского землевладения и землепользования в России периода феодализма.

Предметом рассмотрения являются земельные меры, которыми пользовались крестьяне Присвирья в XVII в. Источниками послужили писцовые книги XVII в., вотчинные хозяйственные книги и акты XVII в. из фонда Александро-Свирского монастыря. Среди хозяйственных книг особую важность представляют

---

¹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975. С. 90; Огризко З. А. К вопросу об единицах измерения земельных площадей в XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. IX. С. 258—261; Романов А. И. Веревные книги как источник по истории крестьянского Севера // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 191—209.